

«Я счастлив и силен, свободен и молод...»

... В ыпустив в свет третий сборник своих стихов, «Жемчуга», Николай Гумилев посвятил его Валерию Брюсову. Молодой, начинающий - мэтру. А чтобы не было сомнений в том, почему именно, автор пояснил - «Моему учителю».

Иначе вряд ли и могло быть - первую, очень ученическую книгу Гумилева «Путь конквистадоров» заметил в своих «Весах» именно Брюсов, написав сочувственную рецензию Поэт. Вождь направления. Более того - он пригласил неведомого девятнадцатилетнего автора не самой выдающейся единственной книжки сотрудничать в «Весах».

А сколько десятков писем они написали друг другу! И в каждом - тонкий, умный совет мастера молодому коллеге, в каждом - развернутая литературная консультация, стремление не навязать свое мнение, а уберечь от ошибки, от неверного шага.

И вторая книга Гумилева - «Романтические цветы» - еще не вышла в свет, а Брюсов уже прочитал все 32 стихотворения (и все его замечания были добросовестно учтены Гумилевым); а после выхода - первым напечатал рецензию на нее с полунамеком-полупровидением: «Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то намечали, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».

Так оно и вышло. Но вряд ли вышло бы, если бы Брюсов вовремя не заметил, не протянул руку, не подставил плечо.

Со временем - с годами - благодарности может и притупиться. Но в молодости, особенно если молодость умна и корректна, чувства требуют признания. И Гумилев напишет Брюсову: «Теперь моя высшая литературная гордость - это быть Вашим послушным учеником как в стихах, так и в прозе».

Это - о благодарности ученической. А вот (герои те же и тот же 1908 год) пример благодарности иного эмоционального накала, по поводу брюсовского стихотворения «Поэту»: «На днях я получил N 1 «Весов» и пришел в восторг, узнав, что «все в жизни - лишь средство для ярко-певучих стихов». Это была одна из сокровеннейших мыслей моих, но я боялся оформить ее даже для себя и считал ее преувеличенным парадоксом».

Да, романтик и путешественник Гумилев был искренне признателен Брюсову не только за то, что учитель публично, на весь мир заявил, что теперь на поэтической карте появилась «страна Н.Гумилева», но и за более широкое пояснение, столь любившие юношеского самолюбия: «Он сам создает для себя страны и населяет их им самим

сотворенными существами людьми, верящими, демонами. В этих странах - можно сказать, в этих мирах - явления подчиняются не обычным законам природы, но новым, которым повелевал существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии...» Люблю перечитывать их переписку - как личную, так и публичную: в статьях и рецензиях. И дело тут не в отношении к поэзии того или другого, а, не побоюсь тавтологии, в отношении к отношениям. Будет ли нечто подобное опубликовано из нашего суетного, торопливого времени? Так ведь если разобратся, у них свободного времени тоже не так уж много было. Значит, в чем-то иное дело? Именно - в ином. В уважении звания «учитель» как тем, так и другим. Брюсов - не только вождь русских символистов, которого безоговорочно признал и самый символистский символист Александр Блок. Не только значительный поэт, каковым и останется, несмотря на странное увлечение большевизмом в конце жизни, которое не лучшим образом сказалось и на его творчестве последних лет. Брюсов - профессиональный, судьбоносный открыватель молодых талантов. И этот его талант - уникальный.

Знавший Валерия Брюсова в начале двадцатых годов Павел Антокольский писал потом, десятилетия спустя: «В дни молодости первого советского поэтического поколения Валерий Брюсов был самым нужным человеком на самом нужном месте... Деятельность Брюсова в те годы, его недю-

жинный темперамент и бесспорный авторитет были направлены в одну сторону - на служение русской поэзии. Преданность служения брала верх над усталостью, над привычкой, над многим иным, что окружало тогда Брюсова и мешало работе. Отсюда шло пристальное внимание к молодым, и особенно - к самым молодым, еще совсем неизвестным поэтам. Брюсов любил «открывать» молодых, как моряки любят открывать острова, химик - новые элементы в таблице Менделеева. Для Брюсова в этом был азарт большой игры. Недаром он с таким задором (и едва ли серьезно!) тут же распределял молодых по им же самим выдуманным направлениям и школам, вроде «неоклассицизма», «неоромантизма», «неосимволизма» - даже «неофутуризм» фигурировал у него... Надо ли за это осуждать Брюсова? Напротив - он давал молодежи своеобразную закалку...»

Не все ученики умеют быть благодарными. Но это на их совести. Совесть Брюсова, как именно учителя, - чиста, потому что он не отказывал в учительстве, в совете, в участии. Свидетельств тому - десятки и десятки. Вот и Андрей Белый признает - как всегда экспрессивно, бурно и сумбурно, но с какой искренним, неудержимым горением сердца: «Я видел его Калитою, собирателем литературы в борьбе с «ханской ставкой»; в горении объединять он... сносился с маститостями, усыпляя внимание; и все для того, чтобы нас протолкнуть; я обязан ему всей своей карьерой;

я ни разу себя не почувствовал пешкой, не чувствовал «ига» его: только помощь, желание помочь, облегчить... В четко трезвой, практической сфере я чувствовал огонь бескорыстия: сколько тогда он учил и оказывал гостеприимство без всякой тенденции себя подчеркивать, в сущности, был очень скромнен, носясь с идеей союза; и только с эстрады показывал «фиги» величия...»

Доброе отношение молодежи, у которой в крови ниспровергательство и неприятие признанных авторитетов, нельзя завоевать лишь манифестами или громким именем, или высоким постом. Для этого нужны иные качества. Но часто имеющий их не обладает элементарной культурой, и тогда появляется движение интеллектуальных хунвейбинов. А человек образованный и культурный еще более часто не в состоянии стать предводителем: или ему это противно, или не умеет. Валерий Брюсов еще в юности, двадцатилетним, думая о новом направлении в поэзии, решил стать его вождем, так и записав в дневнике: «А этим вождем буду Я! Да, Я». Именно так - «Я» - с большой буквы, как имя собственное будущего вождя. И - стал им. В этом многое их роднит с Гумилевым, тоже всю жизнь делавшим себя самого таким, каким хотел быть, именно поэтому их отношения можно представить как отношения в некотором роде обобщенных, а не конкретных ученика и учителя того времени, того круга, той литературной среды и сферы. В поэзии Брюсов был новатором, в культуре - следопытом, в делах - инициатором и организатором, в общении - обаятельнейшим и скромным человеком. Он хотел владеть всеми богатствами мировой культуры - их энергией, их аурой, их потенциалом питалась его большая светлая душа, возвращая еще более яркий и теплый свет всем, кто действительно в нем нуждался. И за это - за безвозмездность и горение, за заботу и строгость, за искренность и правду чувства - до самой смерти, что бы там ни случилось порою, спутствовала ему благодарность тех, кто и сам был честен перед самим собою. И если Брюсов, уча поэт быть поэтом настоящим, в свое время требовал:

Ты должен быть гордым, как змея;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов.
И ты с беспечальным движеньем
Ищи сочетания слов,

то спустя годы и годы, уже в 1923-м, на полувековой свой юбилей он получил ответ от Пастернака; ответ честного и благодарного, уже известного ученика; ответ, в котором, размышляя, «что сказать в этот

день?» автор решает - «что»:

Что вы дисциплинировали взмах
Взбешенных рифм, тянувшихся за глиной
И были домовым у нас в домах
И дьяволом недетской дисциплины...

Что я затем, быть может, не умру,
Что, до смерти теперь устав от гили,
Вы сами, было время, поутру,
Линейкой нас не умирать учили!

Здесь - точная оценка роли Брюсова именно в учении молодых, во влиянии на них: действительно, устав от гили (то есть вздора и чепухи, которые столь присущи молодым ученикам), учил «линейкой» - то есть был строг и даже суров во имя качества учеников. Столь же точный, но уже не внутренний, а внешний портрет можно встретить разве только у Белого: в нем каждая деталь играет, но каждую из них можно было подметить и так вот отобразить, имея в душе небезразличие к человеку: «К авансцене из тени - длиннее самого себя, как змея, в сюртуке, палкой ставшая, с тем передергом улыбки, которую видел я, - он поплыл, прижав руки к бокам. Голова - точно на сторону: вот гортанным, картавым, раздельным фальцетом, как бы он отдавал приказ, он прочел стихи, держа руки по швам; и с дерзкой скромностью, точно всадишая жало змея, тотчас удалился: под аплодисменты».

...Да, можно было бы в этот день рассказать еще раз биографию Валерия Яковлевича Брюсова, начиная с рождения, с 1873 года, и завершая безвременной смертью в 1924-м. Можно было бы проанализировать его сложный, весь в рытвинах и ухабах, жизненный и творческий путь И, конечно же, можно было бы разоблачить его стихи, еще раз показав, в чем их новаторство. Но, во-первых, вряд ли для этого хватило бы и целой книги, а во-вторых, все это так или иначе есть в книгах и энциклопедиях: начиная с того, что он «поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, литературовед и историк, один из организаторов и признанный лидер русского символизма», и завершая тем, что он - «внес значительный вклад в русскую литературу; его творчество, отражавшее этапы идейного развития не только самого поэта, но и русской литературы рубежа XIX-XX веков, подготовило почву для плодотворного развития многих советских поэтов», - даже в кратком библиографическом словаре Брюсов посвящен девять столбцов убогистого текста. Но все же лучше, человечней, да и честнее в конечном итоге - говорить не о глобальных итогах, не о признательности масс и влиянии на поколения, а о благодарности конкретных учеников и о влиянии на каждого из них.

А ученики у Валерия Брюсова есть и по сей день.

Иван ПАНКЕЕВ.